

Владимир
КУНИН
Ночь с Ангелом

Владимир Кунин

Очень длинная неделя

«Public Domain»

Кунин В. В.

Очень длинная неделя / В. В. Кунин — «Public Domain»,

«Очень длинная неделя» – бесхитростный и щемящий душу рассказ о неделе жизни героя. Семи днях, которые навсегда перевернули его судьбу.

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Владимир Кунин

Очень длинная неделя

* * *

Телеграмма пришла рано утром. Секретарь директора цирка расписалась в книге реестров и, возвращая книгу почтальонше, удивленно спросила:

– А где же остальная почта, Анна Марковна?

– Остальная будет позже, – сказала Анна Марковна. – Это срочная... Проставьте время, Зиночка!

Анна Марковна ушла, мягко ступая лыжными ботинками, а Зиночка распечатала телеграмму.

Она бросилась было в кабинет директора, но вспомнила, что директора еще нет, и побежала вниз по лестнице. Выскочив в холодное круглое фойе и не найдя там никого, Зиночка отдернула занавес центрального прохода в зрительный зал.

На манеже женщина в бигуди, свитере и комбинезоне с лямками учила маленькую испуганную собачку делать сальто-мортале.

– Валентина Петровна! – крикнула Зиночка, и купол тревожно повторил ее крик. – Карцев не приходил?..

– Что вы, Зиночка! – певуче ответила женщина, и собачонка присела от страха. – Они с одиннадцати...

Зиночка опять побежала к себе наверх. На последних ступеньках лестницы она увидела спину директора.

– Николай Константинович! – задыхаясь, сказала Зиночка. – Николай Константинович... Директор обернулся.

– Здравствуйте, Зинаида Ивановна, – сказал он. – Почта была?

– Была почта! – отчаянно выкрикнула Зиночка. – Такая почта!..

– Какая такая?.. – спросил директор и увидел в Зиночкиных руках дрожащий листок.

– Дайте сюда. – Директор осторожно взял телеграмму.

Он пробежал глазами по строчкам:

– Господи... черт возьми... Что же теперь делать?.. Как же ему сказать?..

Директор растерянно посмотрел вокруг себя:

– Он не приходил?

– Нет. У него репетиция с одиннадцати...

– Зиночка, – сказал директор и застегнул пиджак на все пуговицы. – Немедленно позвоните к нему в гостиницу, ничего не говорите, скажите, что я вызываю его срочно к себе.

– В каком он номере?

– Узнайте у Гефта... Он их расселял. Если Гефта нет, просто позвоните администратору гостиницы...

Гефта не было. Зиночка позвонила в гостиницу и спросила у администратора, в каком номере живет Карцев Александр Николаевич.

– Александром Николаевичем столько девиц интересуется, – раздраженно сказал администратор, – что мы уже устали отвечать на их вопросы.

– Я вам не девица! – крикнула Зиночка в трубку. – Я секретарь директора цирка!..

– Простите, – сказал администратор. – Я не знал. Карцев проживает в четыреста тридцатом.

Зиночка опять набрала коммутатор гостиницы и попросила четыреста тридцатый.

– Алло, – раздался хриплый голос Карцева.

– Шура... – сказала Зиночка.

– Ларка! Это свинство! – вдруг сказал Карцев. – Ты же знаешь, что у меня в одиннадцать репетиция, а я только что лег. Какого черта?

Зиночка захлебнулась от злости и жалости к самой себе.

– С вами говорит секретарь директора цирка, Зинаида Ивановна!

– Зи-ноч-ка! – удивленно пропел Карцев и закашлялся. – Ради бога, извините...

– Шурик, – быстро сказала Зиночка, и ей опять захотелось плакать. – Немедленно явитесь к Николаю Константиновичу!

– Зинуля, позвоните лучше Славину, – сказал Карцев, и было слышно, как он зевнул. – Весь вчерашний скандал с этим кретином по технике безопасности выеденного яйца не стоит...

– Шура! – закричала Зиночка. – Немедленно приходите в цирк. Никакая здесь не техника безопасности!..

Карцев пришел минут через пятнадцать.

– Что стряслось? – тихонько спросил он и сунул Зиночке шоколадку.

Зиночка ничего не ответила и указала на кабинет директора. Карцев пожал плечами и постучал в дверь.

– Ты лети, – сказал директор цирка. – Тебе сейчас важно быть там... Я позвонил в Ленинград Соловьеву... Что нужно будет, заминка какая-нибудь – сразу к нему. У него знаешь какие связи...

Директор нажал кнопку, и в кабинет вбежала Зиночка, пугливо глядя на Карцева.

– Закажите мне Ленинград. Срочный, – сказал директор.

Всю дорогу от города до аэродрома в ушах Карцева стоял голос циркового экспедитора Гефта, который доставал Карцеву билет в Ленинград.

– Ну и что, что факт смерти не заверен! – кричал Гефт и потрясал телеграммой. – Ну и что? Смотрите на нее! Факт смерти ей не заверен!.. Не дай вам бог получить такой незаверенный факт!.. Чтоб вы всю жизнь не имели таких телеграмм!.. Мы снимаем лучший номер с программы, и мы не спрашиваем, заверен факт или не заверен!.. Что вам нужно заверять, что, я вас спрашиваю?!..

... Карцев не любил Веру. Он разошелся с ней года три тому назад и с удовольствием рассказывал о прекрасных отношениях со своей бывшей женой. Это заметно выделяло его из общего числа разведенных, которые кляли своих жен и выставляли напоказ свое холостячество, возвращенное, наверное, дорогой ценой.

А отношения были действительно хорошие. И Карцев и Вера словно освободились из длительного безрадостного заключения и теперь были по-хорошему благодарны друг другу. Они наперебой заботились о Мишке, который то несколько месяцев ездил по циркам с Карцевым, то отдыхал с Верой где-то на юге. Мишку это чрезвычайно устраивало. И только одного Мишка никак не мог уразуметь: когда же они опять станут жить все вместе – папа, мама и он, Мишка? Мишке было шесть лет.

Боже мой, что же теперь делать?.. Как же это все произошло? Что же там такое случилось?.. А может быть, ошибка?.. Может быть, все это ошибка?.. И Карцев вдруг с холодным отвращением понял, что он никакой ошибки не хочет. Фу черт! Какая дрянь в голову лезете.. Надо же!..

– Полет состоит из взлета и посадки, – сказала бортпроводница. – И продлится всего пятьдесят минут. Поэтому просим вас воздержаться от курения до прибытия в аэропорт назначения.

Курения – назначения... Аэропорт – аэроторт... Нет, напрасно их называли бортпроводницами. «Стюардессы» лучше. «Бортпроводница» – это что-то наглухо застегнутое. Хорошие

у нее ноги, у этой бывшей стюардессы, ныне бортпроводницы... У Веры очень хорошие ноги. Длинные, красивые ноги у Веры...

– Конфетку не хотите?

– Нет. Спасибо.

На шее у бортпроводницы висела тоненькая золотая цепочка. Крестик там, что ли?

– Это чей экипаж? – спросил Карцев. – Аэропорта отправления или аэропорта назначения?

– Назначения, – улыbnулась бортпроводница. – Возьмите конфетку.

– Спасибо. Не хочу.

Не хочу ни о чем думать! Ничего не хочу...

Десять лет тому назад Карцев стоял на балконе бассейна и тоскливо смотрел в дрожащий зеленоватый кафель дна. Над кафелем то и дело проплывали разноцветные шапочки, оставляя за собой трехсекундный белый бурун вспененной воды. Это мешало Карцеву созерцать тихую дрожь зеленого кафеля, и Карцев лениво злился. Он уже давно ждал Юрку Самохина, тренера по прыжкам в воду. Карцев еще тогда в цирке не работал. Он уже был мастером спорта по акробатике и учился на последнем курсе института физкультуры. И когда наконец подошел Юрка, Карцев обернулся к нему и сказал:

– Ну ты даешь, кореш... Сколько можно? Час, два, но не три ведь... Всему есть предел.

Юрка стал оправдываться, говоря, что старший тренер, такая собака, требует отчетность, документацию, списки разрядников и сам не знает, чего хочет... Например, только сейчас говорил сорок минут про то, как методически правильно строить секционные занятия, будто, кроме него, никто ничего не знает, будто все лопухи, ушами не шевелят и мышей не ловят... Будто он один на всем свете знает, как нужно учить в воду прыгать...

Карцев тоскливо разглядывал высокую длинноногую пловчиху без шапочки. Все были в шапочках, в она без шапочки. Только поэтому он и обратил на нее внимание.

– Это кто? – спросил Карцев.

Юрка, обрадованный тем, что его задержка автоматически прощается, суетливо зашептал в ухо Карцеву:

– Углядел, да? Будь здоров!.. Верочка Сергиевская, из Москвы... Недавно к нам перевелась. Представляешь? С третьего курса инфизкульты на первый курс медицинского!..

– Перворазрядница?

– Что ты! Мастер!.. В первой пятерке Союза!..

– Чего это ее из столицы к нам, в колыбель революции, потянуло? – лениво спросил Карцев.

– По личным мотивам, – значительно ответил Юрка. – Ну, идем?

– Идем.

В этот вечер они были приглашены в дом одной парикмахерши, родители которой уехали на дачу. Парикмахерша обещала привести подругу...

Ведь все было так хорошо! Так вроде бы все наладилось... Даже размен квартиры, ради которого Карцев в прошлом году прилетел из Иркутска, и тот прошел тихо, спокойно, даже с некоторым налетом пижонства. Карцев и Вера весело ездили по коммунальным квартирам, осматривали комнаты, подшучивали друг над другом, были предупредительны, любезны и так несерьезно и мило сообщали о причинах размена, что недоверчиво-любопытные квартирные старушенции становились еще более недоверчивыми и даже представить себе не хотели, что два таких хороших человека не могли ужиться в отдельной квартире с ванной и телефоном. Вера была обаятельна и уступчива, Карцев остроумен и широк, и им обоим нравилось производить такое впечатление на посторонних. А за всем этим у Карцева и, пожалуй, у Веры стояла густая тоска и безумное желание скорее, скорее разъехаться и наконец начать все сначала...

– Пристегнитесь ремнями, – сказала бортпроводница Карцеву. – Скоро посадка. Конфетки не желаете?

– Не желаю, – ответил Карцев и послушно пристегнулся ремнями. – Я и посадку не желаю...

– Так в авиации не говорят, – строго сказала бортпроводница.

– Простите меня, пожалуйста... Это я, наверное, не про посадку.

Вера вообще обладала способностью нравиться посторонним людям. И поэтому во всех их семейных неурядицах знакомые винили Карцева, его легкомыслие, непрактичность, разбросанность. Да мало ли в чем обвиняли Карцева! Дома же Вера была человеком жестким и недобрым. Даже ее мать, которую Вера вызвала из Москвы, когда родился Мишка, боялась ее и частенько тихо поплакивала. Изредка старуха напивалась и тогда плакала громко, с криками, угрозами, с обещаниями плюнуть всем в харю и завтра же уехать в Москву! К старшей дочери, к Любочке. Люба и маленькой была тихой и доброй, не то что эта злыдня, которая, смотрите пожалуйста, уселась на диване, как ворона на мерзлом дерьме, сунула в рот папироску, и страдания матери ее и не касаются вовсе!.. Нет! Завтра же к Любе!..

Но наступало утро, и притихшая старуха затевала грандиозную оправдательную уборку, перестирывала все Мишкино барахлишко и уже к концу дня страдальчески охала и демонстративно искала по всей квартире валидол...

Любу, наверное, тоже вызвали...

Она была замужем за Колей Самарским, полковником, преподавателем какой-то военной академии. И Любе и Коле было по сорок, но Коля выглядел моложе и был красив той породистой, интеллигентной красотой, которая неожиданно встречается в самых простых семьях.

Жили они образцово: Люба работала экономистом в одном техническом издательстве, Коля готовил докторскую диссертацию и знал все, что должно с ним произойти в ближайшие несколько лет. Зимой они регулярно ходили на лыжах, а летом отдыхали на юге. И, несмотря на то что каждая такая летняя поездка заставляла Колю влезать по уши в кассу взаимопомощи, Коля был доволен и рад за себя и за Любу. К Карцеву Коля относился просто и благожелательно. Ему нравилось, что Карцев артист цирка, и Коля подолгу и с интересом расспрашивал Карцева о том о сем... В чем-то Коля даже завидовал Карцеву. То ли тому, что Карцев подолгу живет один, без жены, то ли постоянной возможности Карцева к «перемене мест», то ли ежевечернему зримому признанию успеха Карцева, то ли еще чему. Однако Карцев яснее ясного понимал, что, если бы Коле предложили поменяться положением с ним, с Карцевым, Коля отказался бы наотрез. И не потому, что Коля любил свою науку больше всего на свете, а просто потому, что Колино положение солиднее, звание убедительнее, перспективы яснее, да и что душой-то кривить – денег больше... А деньги были очень нужны! Не Коле. Любе. Они нужны были на новую мебель, на немецкую кухню, на какие-то потрясающие замшевые туфли, на дорогой финский костюм для Коли, на тысячи разных необходимых мелочей.

Ни жадности, ни бабского накопительства – все в дом, все в дом! – у Любы не было. Она искренне считала, что положение обязывает и что если жить, так не хуже других. Поэтому вечные нехватки денег у Веры и Карцева Люба воспринимала без сожаления, называя это «неумением жить».

Вера была часто должна Любе. Карцева это нервировало и раздражало, он незаслуженно восстанавливался против Любы и при посещении их дома, из-за боязни показаться бедным родственником, вел себя фальшиво, с каким-то дурацким веселым превосходством и преувеличивал свои настоящие, а тем более будущие заработки. По всей вероятности, Веру мучило то же самое, потому что она невольно подыгрывала Карцеву во всем и даже позволяла себе вслух иронизировать над своей «затянувшейся полосой временных затруднений».

В такие минуты Карцев был благодарен Вере, хотя и знал, что пройдет час-другой, они останутся с Верой вдвоем, напряжение спадет, защищаться будет не от кого и от «затянувшейся

полосы временных затруднений» не останется никакой иронии. Вера будет плакать и говорить злые и обидные слова. А если Карцев неосторожно попробует ей напомнить, что она еще вчера смеялась над суетливым мещанским благополучием какой-нибудь там Мирочки Шевелевой, Вера станет некрасивая и обязательно закричит, что он, Карцев, ей вообще никакого благополучия создать не может. Пусть-ка он попробует заработать столько, сколько зарабатывает Мирочкин муж! И тогда Карцев тоже закричит, что Мирочкин муж жулик и ворюга, а он, Карцев, воровать не пойдет, даже если им придется сдохнуть с голоду!

Он, наверное, скажет что-нибудь еще – неумное и не обидное для Веры и мучительное для самого себя. Потом он будет молча проклинать себя за то, что женился на Вере, на женщине старше себя, которая просто плохо к нему относится. Он будет завидовать Мирочкиному мужу, вовсе не жулику и не ворюге, а милому глуповатому Мите Шевелеву, конструктору какого-то не очень таинственного ОКБ...

- Вам куда? – спросил шофер такси.
- На Васильевский... – сказал Карцев.
- Не возражаете прихватить кого-нибудь по дороге?
- Пожалуйста.

Шофер открыл дверцу и крикнул в длинную очередь:

- Кому на Васильевский?..

Правильно. Нужно ехать именно на Васильевский... Не домой, а именно на Васильевский, где после развода Вера жила с матерью и Мишкой. Мишка там, и нужно ехать туда.

Открыла теща. Глаза ее сразу же наполнились слезами. Она обняла Карцева, повисла на нем и слабо закричала:

- Шуренька!.. Шуренька!.. Пропала моя доченька, пропала!..

Карцев беспомощно погладил ее по голове:

- Тихо, тихо, мама... Мишку напугаете...

Теща всхлипнула и застонала:

- Сидит, маленький, сиротинушка моя, да все про мамочку спрашивает!..

Карцев почувствовал, что теща врет. Он отстранил ее и пошел в конец длинного коридора. Он шел, и за его спиной тихонько приоткрывались двери соседних комнат.

Когда Карцев распахнул дверь, Мишка растерянно улыбнулся и слез с дивана. Он стоял загорелый, коротко постриженный и поэтому немного чужой. Карцев шагнул вперед, и что-то горячее подступило к глазам и перехватило горло. Мишка стал расплываться и терять очертания. Карцев судорожно втянул сквозь стиснутые зубы воздух и, спасая себя, подхватил Мишку на руки.

- Папа... – сказал Мишка и затрепыхался.

Но Карцев еще сильнее прижал его к себе и зарылся лицом в несвежую Мишкину рубашонку. Мишка затих, и Карцев слушал, как мелко и часто стучало его сердце...

В субботу Вера отпросилась у своего шефа – заведующего кафедрой невропатологии профессора Зандберга – за час до общего окончания работы.

Зандберг сидел в ординаторской и пил холодный чай вприкуску. Рукава халата у него были закатаны по локоть, открывая толстые веснушчатые руки, густо поросшие седыми волосами.

- Что-нибудь дома? – спросил Зандберг. – Мишка заболел?

Он любил Веру и считал ее самым способным аспирантом на кафедре. Ему нравилось, что Вера мастер спорта по плаванию, и он часто этим хвастался.

- Тьфу, тьфу... – сплюнула Вера. – Слава богу, его нет в городе.
- Почему «слава богу»? – удивился Зандберг.
- Пыль, жара...
- Он опять гастролирует по циркам? С вашим... бывшим?

Вера улыбкунулась:

– Нет. Они с мамой в Осташкове. На Селигере...

– А-а-а... – протянул Зандберг. Ему было жарко, скучно и хотелось по-говорить. – Так куда же вы торопитесь?

Вера посмотрела на часы.

– Давид Львович, если вы еще хоть раз скажете «а-а-а...», то мне будет некуда торопиться. Я повсюду опоздаю...

– У вас роман? – спросил Зандберг и вкусно захрустел сахаром.

– Ох, если бы!.. – вздохнула Вера и стала снимать халат. – Я еду на рыбалку.

Зандберг с уважением посмотрел на Веру. Ему всю жизнь хотелось ездить на рыбалку, жечь ночью костер в лесу и по утрам дрогнуть в провисшей от сырости палатке. И он никогда этого не делал.

– У вас роман... – с завистью сказал Зандберг.

Нет, конечно, это был не роман...

Берта, или, как ее называли, Большая Берта, давняя приятельница Веры, наконец вышла замуж. Этот факт всем казался невероятным. В том числе и самой Берте. Ее устрашающие размеры и ничем не прикрытое желание выйти замуж сегодня, сейчас, немедленно, сию минуту и за кого угодно удерживали мужчин даже от элементарной вежливости. Ей просто не рисковали подать пальто. И поэтому, когда Берта наперекор всему все-таки вышла замуж, она стала таскать своего мужа ко всем друзьям и знакомым. Во-первых, для того, чтобы насладиться так горячо и давно желаемыми поздравлениями, а во-вторых, чтобы показать мужу, как она любима и почитаема в так называемых «приличных» домах. А так как к Берте все относились действительно хорошо, то уже через полторы недели муж Берты – пухлый тридцатилетний Алик – почти оправился от потрясения, вызванного собственной женитьбой. Ему нравились друзья Берты – врачи, юристы, актеры. Он уважал значительность их положений и чуточку презирал за отсутствие свободных денег. Алик был мясником.

Берта таскала Алика за собой повсюду, и у Веры они бывали чаще, чем у других. Однажды Алик привел знакомого – полупьяного тихого хоккеиста Сережу Рагозина. Алик молотил глупости, Берта шумно хохотала, а Рагозин молчал и смущенно покачивал головой. И только в конце вечера он увидел над столом давнишнюю фотографию Карцева и удивленно спросил:

– Это что, Карцев?

– Вы его знаете? – спросила Вера.

– Он сейчас в цирке работает... – сказал Рагозин.

– Он ей будет рассказывать! – крикнул Алик, и Берта захохотала.

Рагозин непонимающе посмотрел на Алика.

– Это мой муж, – сказала Вера. – Карцев мой бывший муж.

– Она же Карцева! – крикнул Алик. – Понял? Карцева!..

Потом Алик и Берта еще несколько раз приходили с Рагозиным, в потом Рагозин пришел один и весь вечер рассказывал Вере о том, как он играл в команде мастеров и как это было хорошо, а теперь «стучит» в простой и бедной заводской команде, и как это плохо. Он и не скрывал, что все эти грустные превращения произошли с ним из-за водки, и горько сетовал на приятелей, на болельщиков и на самого себя. Рагозин был еще моложе Карцева, и Вера тоскливо думала, что ей, видно, всю жизнь придется шефствовать и идти впереди. А ей хотелось идти сзади, след в след, подчиняясь умной и сильной воле, и чувствовать себя женщиной. Не мужественной женщиной, а просто женщиной... Мужественной она уже была. Хватит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.